

Шапшова Снежана Александровна, Божкова Галина Николаевна

СВОЕОБРАЗИЕ ИНТИМНОЙ ЛИРИКИ Г. Н. КАПРАНОВА

В данной статье была предпринята попытка с помощью анализа художественных деталей выяснить своеобразие и творческую индивидуальность малоизученного казанского поэта Г. Капранова. Наиболее распространенными в интимной лирике Геннадия Николаевича Капранова становятся внешние художественные детали, выполняющие психологическую и характерологическую функции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-3/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. III. С. 197-199. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82

Филологические науки

В данной статье была предпринята попытка с помощью анализа художественных деталей выяснить своеобразие и творческую индивидуальность малоизученного казанского поэта Г. Капранова. Наиболее распространенными в интимной лирике Геннадия Николаевича Капранова становятся внешние художественные детали, выполняющие психологическую и характерологическую функции.

Ключевые слова и фразы: казанский поэт; лирика; художественная деталь; символ; лейтмотив; лирический герой.

Шапшова Снежана Александровна**Божкова Галина Николаевна**, к. филол. н.*Казанский (Приволжский) федеральный университет (филиал) в г. Елабуге**sashapshova@mail.ru; bozhkova.galina@mail.ru***СВОЕОБРАЗИЕ ИНТИМНОЙ ЛИРИКИ Г. Н. КАПРАНОВА**

Творчество казанского поэта Геннадия Капранова, несмотря на свою яркость и необычность, малоизучено. Он прожил короткую жизнь: в возрасте сорока семи лет (в июле 1985 года) поэт погиб от удара молнии на пляже в Набережных Челнах. Капранов оставил нам более двух тысяч стихотворений, несколько поэм, переводы из английской и французской поэзии. Единственная книга «Я чист, как родниковая вода...», опубликованная уже после смерти автора его сестрой Мариной, появилась только в 2008 году. Большая часть стихотворений в этой книге печатается впервые.

Творческое наследие Геннадия Капранова – это исповедальный монолог, доверительный разговор автора с читателем о времени, о природе, о сложном и противоречивом мире, это художественная философия бытия и быта, истории и современности, природы и родины, общества и человека – таковы основные элементы той стороны художественной формы, которая называется изображённым миром [1, с. 30].

Отличительной особенностью лирики Геннадия Николаевича Капранова является то, что автор активно использует художественные детали, которые способны более полно воссоздать художественную реальность. В данной статье мы хотели бы остановиться на изучении выразительной подробности в любовной лирике казанского поэта.

Тема любви представлена тёплым отношением к матери. Материнская любовь в стихотворениях Капранова проявляется по-разному: через заботу, переживание, волнение, нежность. Мама для Геннадия Николаевича это друг, советчик, наставник, а для его сестрёнки Марины она еще и образец для подражания, кумир. Автор стихов признаётся, что любовь к поэзии привила ему именно мать. Сама того не замечая, она помогла сыну найти свое призвание в жизни. Будучи поэтом-любителем, мама часто читала стихи своим детям, тем самым став для них примером для подражания: «...А мы еще мальчишки по годам. / И вот она стихи читает нам. / Не детские про птичек и ручьи, / а взрослые, любовные, свои...» [2, с. 75]. Не раз в стихотворениях автор говорит о том, что истинная, самая крепкая любовь – это любовь к матери. В элегии «Ещё любовь» он называет такую любовь любовью-добротой. У него она маленькая, размером с кулак, то есть с сердцем [Там же, с. 34]. Сжатый кулак часто ассоциируют с силой, властью. Только материнское сердце может быть таким сильным, властным, поэтому автор сравнивает сердце с кулаком.

Немаловажную смысловую нагрузку несёт эпитет «родная кровь», т.е. любовь к матери рождается вместе с ребёнком, это чувство нельзя объяснить: «...Есть одна худючая старушка, / это мама я её люблю <...> / Тут ума и сердца солидарность, / опыт жизни и родная кровь. / Это даже и не благодарность. / Это просто, знаете, любовь» [Там же, с. 50]. Любовь Капранова проста, незамысловата, поэтому он часто иронизирует, рассказывая о ней, использует разговорную лексику: «худючая старушка», «мама». Чувство к матери в лирике поэта взаимно, и это дарит полноту бытия, делает лирического героя сильным. В стихотворении «Мама» знакомая многим читателям сцена проводов взрослого сына: «...я ухожу домой, а мама / с балкона машет мне рукой...» [Там же, с. 73].

Психологи убеждены, что даже выросших детей любящая мать не воспринимает как сложившихся личностей. Художественные детали в данной строфе в очередной раз окутаны тёплой иронией. Матери не важна мода и сборы на пек, всё должно быть в порядке, её глаза видят дисгармонию: «То поясок перепояшет, / то шпилька выскочит как раз...» [Там же]. Геннадий Николаевич признаётся в том, что окутанная любовью худючая старушкой для него была ещё и советчиком, человеком, который укажет на ошибки, поможет сделать выбор: «Мама смотрит на вещи строго: / счастье дело, мол, наших рук...» [Там же, с. 74].

Тепло материнской любви очень часто связано с художественной деталью – руками. В традициях многих народов распростёртые руки символизируют благословение, мир, защиту. Мать в стихотворениях Г. Н. Капранова – это «тыль», «стена», «мир», человек, который укажет путь.

Таким образом, самым дорогим подарком судьбы лирический герой Капранова считает любовь матери, которой он многим обязан. Повествуя о родном существе, поэт не принимает одических нот, восхваления или уныния – напротив, это чувство тёплое, простое, естественное, поэтому ведущим видом пафоса в его описании становится разновидность комического – ирония. Взрослый поэт для неё «мальчишкой», а он, в свою очередь, совершенно интуитивно помнит тепло её рук, которые становятся лейтмотивной портретной деталью, олицетворяющей семейный очаг, защиту. О своих чувствах поэт рассказывает

эмоционально, размахивая руками, как ребёнок. И действительно, стиль казанского поэта размашистый, что позволяет понять безудержный темперамент как поэта, так и лирического героя. До тех пор, пока люди окружены материнской любовью, они знают, что такое быть счастливыми. Счастье невозможно скрыть, поэтому руки лирического героя распахнуты для объятий, он добродушно верит людям, многое им прощая.

Любовь матери и к матери – это модель любви к женщине, ведь многие психологи убеждены, что мужчина даже в избранницах интуитивно любит мать.

Обратимся к следующему типу любви в лирике Геннадия Капранова – любовь мужчины к женщине. Поэт не был женат, поэтому большая часть стихотворений о прошедшей любви, безответной или несчастной. Любовь автора разная, и лирический герой в этих стихах постоянно меняет маски.

В стихотворении «И вечер, и ночь» образ влюбленного лирического героя вновь позволяет раскрыть портретную художественную деталь – *рука*. Характеризуя материнскую любовь данная, аксессуарная подробность выполняла психологическую функцию, в стихах о любви эта деталь приобретает характерологическую функцию. «Ручка» избранницы, маленькая, худенькая, сравнивается с большой, сильной рукой лирического героя. Подобное наблюдение пробуждает в герое желание защитить свою женщину, уберечь ее от всех невзгод и это чувство уже появлялось в стихах, адресованных матери: «...Взял её за **руку** - / Боже мой - / Она **тоненькая и лёгкая**...» [Там же, с. 53].

Стоит заметить, что ручки девушки, тоненькие, лёгкие, а не сильные материнские руки, способные стать кулаком. Теперь данная деталь призвана усилить женственность, нежность, неискущённость образа возлюбленной. Жизнь, по мнению казанского поэта, так устроена, что счастье человека в его руках. Атрибутами счастья является семья – отчий дом и построение собственной семьи. Лирический герой понимает, что чувство необходимо укреплять и защищать, поэтому появляется в стихотворном очерке интересный психологический жест: женскую руку согревает мужская. Руки в данном стихотворении – символ женского и мужского начал. Но это еще не любовь, а, скорее, влюбленность, что выражено в звуковой метафорической детали *щелк*, повторяющейся и задающей тон стихотворению. Данный звук как будто управляет лирическим героем. Она щелкает – он влюбляется. Может поэтому герой так раздражается, понимая, что влюбляется, но боясь своей беспомощности перед возникающим чувством. Для героя любовь – это большая ответственность: «...Скучно спутнице. / Щелкает сумочкой: / раз - **щелк**, / два - **щелк**, / три - **щелк**. / - Если можешь, / иди не щелкай...» [Там же].

Однако, оставшись наедине с самим собой, лирический герой понимает, как он сильно по ней скучает; осознаёт, что ему вновь нужно её присутствие, чтобы разбудить в сердце любовь, жить ею: «...Щелкни сумочкой / ещё раз <...> / Жду примерно минуту - / и в ухо / раз щелк, / два щелк, / три щелк» [Там же, с. 55].

Нельзя не заметить, что и в этом стихотворении доминирующим видом пафоса является разновидность комического – ирония, что демонстрирует лёгкое, игривое отношение автора к жизни.

А вот в стихотворении «Кино» представлена уже настоящая любовь (сильная, как смерть), чувство жертвенное. Возлюбленная больна, и на смену ироническому виду пафоса приходят серьёзные нотки драматического пафоса. «*Кровавый белый платок*» становится символом смертельной болезни, а *поцелуй* – исцелением: «...Пленили меня не лицо, не походка - / я в этом тогда еще был не знаток - / а яркое имя ее - и чашотка, / и *кровью запачканный белый платок*...» [Там же, с. 64].

Интересно сочетание двух цветов – белого и красного. Объединяясь, они создают непорочный, заботливый образ. Поэтому, символом скорой помощи, госпиталя, больницы стали белые и красные цвета. Белый – олицетворение чистоты, а красный – энергичности, деятельности. Сочетаясь, оба эти цвета побуждают к высокому: посвятить всего себя общественному благу, самопожертвованию, искренней и чистой любви – вот о чём мечтает лирический герой. Даже в такой кризисной ситуации ему удаётся сохранить оптимизм, веру в исцеление, в то, что любовь может быть спасительной. Открывается новая грань лирического героя: перед читателем наивный, верящий в чудо человек. Он убеждён, что поцелуй любви, как в сказке, сможет сотворить чудо: «...И если бы мог я с моею любовью, / сказав, как волшебник: “Не плачь. Не горной!” - / одним *поцелуем* вернуть ей здоровье, - / я жизнь бы отдал за такой поцелуй!» [Там же].

Итак, в любовной лирике Г. Н. Капранова любовь становится синонимом жизни. Тема любви и жизни постоянно сливаются в единое целое, ведь правильно прожить жизнь, это значит сделать счастливым хотя бы одного человека и на любовь постоянно отвечать любовью. Судьба подарила поэту любящую, сильную мать, которая всегда гордилась сыном и получала взаимное уважение. Только любовь матери могла способствовать воспитанию сильной личности, способной на жертвенное чувство.

Любовь в лирике Геннадия Николаевича Капранова многогранна – материнская любовь, любовь к матери, любовь к женщине. Удивительно, но в любви к женщине лирический герой многолик – эгоист, волшебник, жертвенная личность, сильный мужчина. Не случайно основными деталями интимной лирики стали *руки - кулак* – *поцелуй - сердце*. Не появляется в стихах поэта словесного обозначения художественной детали – сердца, но не услышать сердцебиение лирического героя невозможно, а оно удивительно ощутимо в ритме стихов. Влюблённость передают двухсложные размеры (учащённое сердцебиение, небудуманные, безрассудные поступки), а истинное, жертвенное чувство – амфибрахий (уверенность в чудодейственной силе любовного чувства, отсутствие спешки). Все художественные детали слагаются в формулу счастья – это *сила, единение, тепло, жизнь*.

Список литературы

1. Божкова Г. Н. Объектно-субъектная организация лирики Г. Капранова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 30-32.
2. Капранов Г. Н. Я чист, как родниковая вода... Казань: Идел-Пресс, 2008. 144 с.

THE PECULIARITY OF G. N. KAPRANOV'S INTIMATE LYRICS

Shapshova Snezhana Aleksandrovna

Bozhkova Galina Nikolaevna, Ph. D. in Philology

Kazan (Volga Region) Federal University (Branch) in Yelabuga

sashapshova@mail.ru; bozhkova.galina@mail.ru

In the article the authors make an attempt by analyzing the artistic details to find out the peculiarity and creative individuality of the little known Kazan poet G. Kapranov. The external artistic details which perform psychological and characterological functions are the most common in the intimate lyrics of Gennadii Nikolaevich Kapranov.

Key words and phrases: Kazan poet; lyrics; artistic detail; symbol; leitmotif; lyrical hero.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается комплекс произведений В. А. Чивилихина, посвященных проблемам рационального использования богатств кедровой тайги в Горном Алтае, смысловым ядром которого стало придуманное писателем слово «Кедроград». Главная мысль исследования – географическое пространство Горного Алтая под пером Чивилихина обрело статус русского природоохранного топоса, с которого начинается в стране реальное природоохранное движение. Кедроград интерпретируется как мифоним, место романтической мечты, не совпавшее со своим временем.

Ключевые слова и фразы: Чивилихин; Кедроград; кедр; охрана природы; экология; миф.

Шастина Татьяна Петровна, к. филол. н., доцент
Горно-Алтайский государственный университет
tshliteratura@mail.ru

ВЛАДИМИР ЧИВИЛИХИН: ТВОРЕНИЕ И КРУШЕНИЕ МИФА О КЕДРОГРАДЕ

В современном литературоведении экологическая тематика рассматривается в диапазоне от просветительного природоохранного направления публицистики до философско-художественной системы мышления. В центре такой системы – *природная биологическая жизнь как высочайший смысл общего существования: и человечества, и природы* [21, с. 210]. Традиционно демаркационная линия между этими полюсами проводится по творчеству С. П. Залыгина, в натурфилософии которого вопрос «быть или не быть» не решается для человека и природы по отдельности [10]; о чем писали П. А. Гончаров и С. В. Филиппова [5]; П. П. Каминский [16] и др. Глубинные национальные истоки подобного слияния проанализированы в работах С. А. Кошарной, показавшей, что концептуальный комплекс «Человек-Природа» лежит в основе мифологической картины мира [19, с. 10].

Основоположителем экологического направления в литературе второй половины XX века, раскачавшим довольно устойчивое равновесие традиционной советской природоохранной тематики, первым из литераторов, предпринявшим практические действия по сохранению реликтовой кедровой тайги, был Владимир Алексеевич Чивилихин (1928-1984). На наш взгляд, потому-то и сделал С. П. Залыгин художественным пространством своего первого романа *Тропы Алтая* (1966 г.) Горный Алтай, что Чивилихин уже приковал к этому географическому пространству взгляды всей страны, вокруг него разворачивались нешуточные идеологические и экономические баталии по вопросам рационального природопользования. Благодаря Чивилихину это реальное пространство – наравне с Байкалом – перешло в статус русского природоохранного топоса (о топосе как значимом для художественного текста (или группы текстов) месте разворачивания смыслов (см. [23, с. 89]).

И по месту рождения (г. Мариинск Кемеровской области), и по типу мышления В. Чивилихин был истинно сибирским писателем, в том классическом понимании термина, которое было сформулировано областниками, т.е. патриотом, возвращающимся из столицы на периферию (мысль о доминантности идеи возвращения в областническом кодексе поведения, детерминирующей автобиографическую модель построения текста, сформулирована и развита К. В. Анисимовым [1, с. 172-223]). Знаменательно, что в XXI веке к имени В. А. Чивилихина все чаще стало прибавляться уточнение *сибирский писатель*, чему способствовала деятельность Благотворительного фонда памяти Владимира Чивилихина.

В дневниковой записи от 15 августа 1962 г., сделанной в Иркутске, писатель емко заметил, что Сибирь для него – место силы: *Я вбираю в себя Сибирь и сам сильнее, и богатею, и коренастею* [31, с. 199]. Непреодолимую тягу к возвращению в Сибирь он называл *сибиркой* – неизлечимой болезнью. Вначале я думал, что это обыкновенная ностальгия, тоска по родным местам, однако друзья придумали для моей болезни другое название – «сибирка». С сибиркой ничего не поделаешь. И вот я заказываю билет, укладываю рюкзак, перевожу часы вперед и весь уже охвачен Сибирью. Переношусь в её дали, вижу её дымные города и латунные закаты над горами, иду по тайге, полной чистых предснежных запахов, слышу маралий гон и шуршанье шуги, думаю о сибиряках, которых я знаю, гадаю о тех, кого встречу в этот раз... [35, с. 5-6].